

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОЖДЬ

Вечером заглянул сосед дядя Саша. Принес угощение — лукошко черной смородины. У Дуни на участке когда-то росло десять кустов смородины — красной, черной и белой. На дачу приезжала редко, смотреть на разросшиеся, одичавшие, полусохшие кусты, похожие на мертвых жучков осыпавшиеся ягоды было неприятно — все выкорчевала. Убить, чтобы не страдать.

Муж Дуни Степан рассказывал, что, когда был маленьким, у них в семье жила кошка. Она регулярно приносила котят, их топили в ведре с водой.

— Потому что, — объяснял Степан, — они такие хорошенькие, когда подрастают, привязываешься к ним.

— Утопить, чтобы не привязываться? — насмешливо спросила Дуня.

— Разумеется, — ответил Степан без тени смущения.

Их, Дуни и Степана, брак уж полгода не трещал громко по швам, но тихо расплзался, как ветхая ткань. Пяти лет оказалось достаточно, чтобы отношения изветшали. Ни бурных ссор, ни изматывающих конфликтов, ни измен, ни обид — только постылая зевотная скука. Будто два животных: бычок и телочка — днем пасутся каждый на своей поляне, вечером в одном хлеве сходятся, пожуют сена, воды попьют и на боковую — завалятся на солому, нехитрым, быстрым, привычным сексом займутся. Без страсти, а чтобы зуд плоти унять — как почесаться, и заснут спина к спине.

Дядя Саша на правах старожила, помнящего и бабушку с дедушкой, и родителей Дуни, как бы принявший от них эстафету присмотра за молодой наследницей, прошелся по дому. Дуня приехала поздно ночью, а с шести утра драила веранду, большую комнату с печью — горницу, как называл ее дедушка, три спальни. Пыльный, затхлый, в паутине по всем углам дом словно упрекал ее: «Забросила!» Проветренный, чистый, дом оживал и радовался, дышал: «Вот теперь славно!»

— Ладная ты девка, Дуня, — похвалил дядя Саша, усаживаясь пить предложенный чай. —

Не то, что моя внучка Алёнка. Приедет, носом покрутит, обрызгается с ног до головы от комарья, компьютер под мышку и заваливается в тенёчек по кнопочкам щелкать.

Дядя Саша и тетя Оля обожали внучку и критиковали ее с единственной целью: очередной раз услышать, что их касатонька умница и красавица. Хотя нежелание молодых горбатиться на даче, «кормиться с земли», старики считали глубоким заблуждением.

Дуня помнила, как дядя Саша еще с ее отцом спорил.

— А если завтра война? — вопрошал дядя Саша. — Где прятаться, чем кормиться?

— Если война, современная война, — уточнял папа, — то кормиться никому и нигде не придется.

— Вот не скажите, — подавала голос покрасневшая тетя Оля, — свои продукты экологичные. — Поняв, что сморозила что-то не то, поясняла: — Экономичные и без нитратов.

— Да уразумейте вы, — горячился папа, — вашему сыну на даче отдых нужен, а не окучивание десяти соток картошки. Он прекрасный инженер. На воздухе, в благодати сельской восстанавливается и купит вам три вагона картошки.

— Не та это будет картоха, — мотал головой дядя Саша.

— Не та, — печально вторила тетя Оля.

Соседи уходили, папа с мамой мыли посуду, Дуня крутилась рядом. Она обожала слушать их разговоры. Когда с ней играли, дурачились, тоже прекрасно, но присутствовать при их общении — отдельное удовольствие.

— Как странно, — говорил папа, — что Оля и Саша, хоть и с деревенскими корнями, но жизнь прожившие в городе, он слесарь в депо, она швея на фабрике, выйдя на пенсию и поселившись здесь, быстро превратились в завязанных крестьян.

— Я тебе больше скажу, — отвечала мама, — строго между нами. Они детдомовские, какого рода-племени, не знают. И дом этот купили, а вовсе не от тетки достался. Кто-то пустил слух, может, сами и пустили. Легенда, хоть какое-то прошлое, семья, предки — корни. Мне Оля в слезах, в порыве откровенности рассказала после того, как мужа коромыслом гоняла за то, что к Любке-солдатке шастал. Дуня! — заметила ее мама. — Что ты здесь делаешь? Зачем ты это слушаешь? Немедленно спать! Сейчас же!

Хлестнула не больно по спине, а папа поймал ее у двери, обхватил лицо мокрыми в складочках на пальцах ладонями:

— Моя Дунечка! — поцеловал в макушку. — Спокойной ночи!

Она долго не могла простить родителям своего идиотского имени. Дунька! Ха-ха-ха! Евдокия звучит лучше, но так ее станут звать в старости. Дядя, мамин брат, звал ее Евдоха. Очень мило!

Папа умер неожиданно в пятьдесят лет, говорится — скоропостижно. Утром говорил, что поедут на дачу, ему нужно только на работу заскочить. На даче будут исключительно отдыхать, только соберут ягоды, наварят варенья, снимут и засолят огурцы, опрыскают от фитофторы помидоры. Нечего делать, к полуночи управятся. На работе у папы случился инфаркт. «Скорая» констатировала смерть. Во время похорон, на поминках мама была полусонная, заторможенная, не слышала обращенных к ней речей, глупо и непривычно, точно извиняясь и заискивая, улыбалась.

После поминок они, дочь и мать, сидели на кухне. Тупо, безвольно, молчаливо — жизнь не кончилась, но обрезалась. Можно ведь жить, если тебе отрежут руки, ноги... Лучше бы сразу — голову.

— Он очень меня любил, — вдруг заговорила мама. — Так, как нельзя, как не бывает даже в книжках. И когда он не знал, куда деться от чувств, он называл меня Дуня... моя Дуня... Потом ты родилась. И он сказал: «Это моя насто-

ящая, персональная Дуня». Я, нелепо вспоминать, даже ревновала.

Дуне всегда казалось, что у нее во взрослой жизни будет как у родителей. У нее папины глаза и мамина улыбка. Будто эта схожесть — билет в партер на потрясающий спектакль. Ничего не надо делать, имея наследственный абонемент. Роковое заблуждение детей, имевших счастливое детство и заботливых родителей — парниковые условия.

— Погода-то какая! — сменил тему дядя Саша. — Июль, а холодрыга и третью неделю льет. Всемирное потепление! Уши оборвать метеорологам.

«Забавная логика, — мысленно усмехнулась Дуня. — В плохой погоде виноваты метеорологи, а в пробках на дорогах — производители автомобилей».

— Романтическая погода, дядя Саша. Три часа дождь стеной, потом на несколько минут проглянет солнце, и все становится зеленым, чистым и блестящим. Может, боги там, — она потыкала пальцем в потолок, — решили устроить большую стирку и генеральную уборку. По доброте душевной прачкам и уборщицам дают перерывы.

— Какие боги? — не понял дядя Саша.

— Олимпа. Зевс, Венера и прочие Аполлоны.

— Ты это брось! — нахмурился дядя Саша. — Бог у нас один, Иисус Христос!

— Неудачно пошутила, извините.

— Ты мне лучше скажи, супруг твой придет или опять сама будешь косить, триммером махать?

— Не придет, много работы. Сами знаете, настоящие мужики вкалывают от зари до зари, как лошади.

Лошадь-Степан в данный момент нежился на пляже турецкого отеля. Договорились, что Дуня присоединится к нему через неделю. Просить Степана помочь на даче — все равно что предложить пианисту канаву выкопать. Причем канава просуществует несколько месяцев, а в следующем году ее надо снова копать — труд бессмысленный и тупой. Степан был не музыкантом, а преподавателем физики в колледже. Добрым, милым, галантным мужчиной, которого обожали коллеги, в основном женщины, ценившие Дуниного мужа за миролюбие, за бесконфликтность. Они не догадывались, что эти замечательные качества проистекают из громадной лени, нежелания напрягаться, душевной вялости, возведенной в такую степень, что она уже превратилась в некое подобие деликатности интеллигента. Броня, ставшая кожей.

— В дождь косить нельзя, — сказал дядя Саши. — И зачем тебе эта дача, Дуня? Приезжаешь раз-два в год, наводишь порядок в доме и на участке, и — поминай, как звали, до следующего лета. Точно за могилами ухаживаешь.

Дуня опустила голову, чтобы не показать, как ранят ее эти совершенно правдивые слова. Ей не нужна дача как место отдыха, релаксации, и завзятой огородницей она никогда не была и не рассматривала старый, хоть и крепкий дом с одичавшим участком как денежное вложение. Она просто не могла расстаться с местом, которое помнила с пеленок, где ее любили, баловали, где еще крепкие дед и бабушка заложили сад, где родители осенью собирали листья, картофельную ботву и прочие садово-огородные остатки, устраивали костры, дым от них стелился по земле, играл как живой: то кудрявился, то вытягивался длинными дрожащими языками. Пахло приближающейся зимой и сжигаемым летом. Да, личный мемориальный комплекс.

У дяди Саши и тети Оли была навязчивая идея купить соседский участок. То есть приобрести его должны Алёна с мужем, не совсем ведь они лопухи, поймут, пусть со временем, что земля — это вечное богатство. Их же, дяди Саши и тети Оли, задача уломать Дуню и сбить

цену. Дядя Саша даже выучил выражения, не свойственные его речи, вроде: «сейчас предложение опережает спрос».

— За бесценнок отдают. В деревне три дома на продажу выставлено.

— Вот пусть ваш сын их и покупает.

— Как ты не понимаешь! — Дядя Саша смотрел на нее так, будто Дуня сморозила несусветную глупость. — Землю-наследство надо объединять! Прирезывать! Как ты на Языке прирежешь?

Тещиным Языком или просто Языком назывался своего рода полуостров в излучине реки, отрезанный от деревни Вырубки почти на километр. На Языке стояло четыре дома; дяди Саши, Дуни, Кирилла Сергеевича, крупного шумного патриарха-главы большой семьи. Его все почему-то называли Ангел, даже внуки — «дедушка Ангел». Крайний четвертый дом был несчастливой судьбы, уже лет десять его все время продавали и покупали. Нынешняя хозяйка дома — симпатичная Алла Дмитриевна — из бизнес-леди, не потерявших простой человеческой доброты, которая сквозила в улыбке — без натуги щедрой. Кроме дяди Саши все были дачниками, то есть приезжали только на лето. Дуня и Алла Дмитриевна с семьей урывками, Ангел-патриарх почти на все лето. Спелся с дядей Сашей, осенью отно-